

ЕВГЕНИЙ АНПИЛОВ

ЭХО

СВИНЦОВОГО НЕБА

Евгений Анпилов

Эхо свинцового неба

<https://litres.ru/74305417>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марк Воронов всегда верил только в сухие цифры и законы геометрии. Но когда его любимая женщина Алена начинает медленно угасать от неизвестной аномальной болезни, перед которой бессильна медицина Большой земли, Марк сжигает мосты. Он ломает свои принципы и шагает за колючую проволоку Сибирской Зоны Отчуждения в ад, пахнущий озоном, мазутом и сырой смертью.

Его цель мифический артефакт «Живая Руда», способный переписать искаленную ДНК и подарить Алене жизнь. На этом пути у Марка не будет имени. Теперь он — сталкер Север. Чтобы выжить в серых мертвых кварталах, пройти сквозь бритвенно-острые аномалии и отбиться от тварей-Суховеев, ему придется довериться карабину «Вепрь-12» и отчаянной девушке-сталкеру Кире «Веге».

Пока Марк и Кира прорываются сквозь высокотехнологичные заслоны безжалостной корпорации «Нексус», Зона намертво связывает их судьбы в единый, кровавый стальной узел. Какую цену придется заплатить Северу, когда реальность начнет рушиться в кольцо квантовой бездны?

Содержание

Глава 1: Дыхание сырой земли	4
Глава 2: Подземный деспот и цена надежды	14
Глава 3: Охота на «Сглаз»	23
Глава 4: КПК, долги и человек в белом	32
Глава 5: Шепот Сибирских топей	40
Глава 6: Скрежет металла и крик земли	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Евгений Анпилов

Эхо свинцового неба

Глава 1: Дыхание сырой земли

Дождь в Зоне не шел — он здесь жил.

Марк плотнее прижал воротник тяжелого брезентового плаща к шее, но ледяная капля все равно нашла лазейку, прочертив холодную дорожку между лопатками. Он вздрогнул, но не шевельнулся. На Сибирскую Зону Отчуждения опускались сумерки — грязные, размытые, пахнущие ржавчиной, мазутом и гнилой хвоей. Небо над этой проклятой землей напоминало перевернутую чашу с жидком оловом, из которой бесконечным потоком изливалась серая, липкая изморось. Она въедалась в одежду, в кожу, проникала, казалось, в самые мысли, превращая их в такую же серую кашу.

Он лежал в густых зарослях папоротника на склоне безымянного холма, едва дыша через угольный фильтр старого армейского респиратора «Бриз-М». В ста метрах впереди, в низине, едва угадывались очертания блокпоста. Это был Кордон — южная граница СЗО, за которой остался нормальный, сытый мир. Мир, в котором Марк Воронов еще три месяца назад был обычным инженером-геодезистом, строившим планы на жизнь. Теперь у него не было имени. Только

позывной, нацарапанный ножом на обратной стороне тактического ремня: *Север*.

— Не дергайся, парень, — едва слышный, сиплый шепот над самым ухом заставил Марка напрячь челюсти.

Рядом, почти сливаясь с грязной землей благодаря выцветшему, покрытому бурыми пятнами камуфляжу, лежал Егор Горелый — проводник, которого Марк нашел на самой окраине буферной зоны. Горелый стоил безумных денег, но его шрамы на лице, оставленные аномальным «пылевым вихрем», говорили лучше любых рекомендаций. Он знал южные тропы как свои обрубленные пальцы на левой руке.

— Видишь прожектора на вышках? — тихо шептал Горелый, прильнув к окуляру побитого бинокля. — Военные сегодня нервные. Наверное, опять из глубины какую-то дрянь к забору прибило. Смена караула через пять минут. Как только погаснет левый луч — ползем. Хлюпать будешь — пристрелю лично. Нам «Ведьмин студень» в низине обходить, один неверный шаг, и от твоих сапог только подошвы останутся.

Марк молча кивнул. Сердце глухими, тяжелыми ударами стучало в грудную клетку, отдаваясь в висках. Рука в кожаной перчатке с обрезанными пальцами судорожно сжала холодное, пахнущее оружейным маслом цевье карабина «Вепрь-12» — его единственного весомого аргумента в этом измененном мире. В кармане куртки, прямо у сердца, сквозь

плотную ткань прощупывался острый угол рамки. Там лежала помятая фотография. С нее улыбалась Алена — тонкие черты лица, светлые волосы, заправленные за ухо, и глаза, в которых тогда еще горела жизнь.

Сейчас эти глаза, наверное, были закрыты в стерильной палате закрытого инфекционного бокса в Новосибирске. Врачи лишь разводили руками: «Неизвестный тип клеточного распада. Словно из нее на квантовом уровне выкачали саму жизненную энергию. Мы бессильны, Марк. Ей осталось меньше полугода».

Марк вспомнил слухи, которые шепотом, оглядываясь на двери, передавали в полулегальных барах у границы Зоны. Слухи о **«Живой Руде»** — уникальном, полумифическом артефакте, который рождался в самом сердце СЗО, на разрушенных подземных реакторах секретного наукограда Кедровск-42. Говорили, что эта структура могла повернуть вспять любой биологический распад, склеить разбитую жизнь, исцелить то, что медицина считала приговором. Марк никогда не верил в мистику. Он был технарем до мозга костей. Но когда у тебя на руках угасает единственный человек, ради которого стоит дышать, ты ломаешь свои принципы. Ты веришь во что угодно и идешь куда угодно — даже в сибирский ад, огороженный тремя рядами колючей проволоки под напряжением.

— Пора, — скомандовал Горелый.

Проводник скользнул вниз по склону с грацией мате-

го, побитого жизнью волка. Марк двинулся за ним. Земля под тяжелыми десантными ботинками превратилась в жидкое, чавкающее месиво. Дождь усилился, забарабанив по капюшонам, и этот монотонный шум сейчас играл им на руку, заглушая хлюпанье грязи и их собственное тяжелое дыхание.

Они ползли под колючей проволокой, которая в темноте казалась нитями гигантской черной паутины. Вдруг воздух справа от Марка странно задрожал. Пространство искажилось, словно над раскаленной асфальтовой дорогой в летний зной, хотя вокруг царил пронизывающий осенний холод. Возник легкий, едва заметный глазу фиолетовый отсвет, и до носа донесся резкий, бьющий в голову запах озона.

— Стой! — Горелый мертвой хваткой вцепился в плечо Марка, буквально вдавливая его лицом в мокрую глину.

Буквально в полуметре от лица Марка из земли вылетела горсть сухих, почерневших листьев, поднятая случайным порывом ветра. Стоило им попасть в колеблющийся воздух, как они с сухим, электрическим треском вспыхнули и мгновенно превратились в серый пепел.

— «Искривление», — одними губами выдохнул проводник, и Марк почувствовал, как дрожит рука бывшего сталкера. — Свежая аномалия. Днем ее тут не было. Видишь, как воздух плывет, будто желе? Запомни этот блеск, Север. Сталкер, который смотрит под ноги, живет на час дольше того, кто считает ворон.

Марк сглотнул подступивший к горлу ком, ощущая ме-

таллический привкус во рту. Смерть здесь не кричала. Она подстерегала молча, завернутая в красивое, едва уловимое мерцание измененного пространства.

Они обогнули невидимую ловушку и через десять минут бесконечного, изнуряющего ползка оказались по ту сторону забора. Кордон остался позади, но облегчения это не принесло. Наоборот, Марк кожей почувствовал, как изменилось атмосферное давление — в ушах слабо заложило. Зона словно приняла их в свои объятия, с тихим щелчком захлопнув невидимый капкан. Здесь даже воздух был другим — тяжелым, плотным, с привкусом оксида железа и старой, застоявшейся болотной воды.

Они бежали трусцой, низко пригибаясь к земле, минуя остовы проржавевших советских грузовиков ЗИЛ-131, наполовину ушедших в болотную жижу. Наконец, Горелый свернул к полуразрушенному зданию старой деревенской школы. Окна без стекол смотрели на заброшенную улицу черными глазницами, кирпичные стены поросли бурым мхом, который в темноте слабо, болезненно флуоресцировал.

— Пришли, — Горелый толкнул тяжелую дубовую дверь, которая с надрывным скрипом поддалась. — Это «Гнездо». Местный перевалочный пункт для тех, кто только перешагнул черту. Отдыхаем до рассвета, потом я сдаю тебя Прохору, и мой контракт окончен. Дальше сам.

Inside пахло дымом, сыростью, дешевым табаком и мокрой шерстью. В центре бывшего школьного вестибюля стоя-

ла большая железная бочка из-под мазута, в которой мирно потрескивали дрова. Вокруг огня сидели три фигуры. При появлении гостей на них лениво повернулись темные стволы потрепанных автоматов, но, узнав характерный силуэт Горелого, сталкеры опустили оружие.

— О, Горелый живой вернулся, — пробасил один из сидящих, плотный мужчина в потертом брезентовом комбинезоне со множеством нашитых карманов. — И отмычку с собой привел. Свеженький, цивилизацией пахнет. Мукой и чистым мылом.

— Заткнись, Хмурый, — огрызнулся проводник, с глухим стуком сбрасывая тяжелый рюкзак на бетонный пол. — Он за дорогу заплатил честно, без дураков. Лучше налей чайку, если осталось чего в чайнике.

Марк присел на перевернутый деревянный ящик у огня, протягивая онемевшие от холода пальцы к спасительному пламени. Только сейчас, в неверном полумраке костра, он смог разглядеть обитателей этого места. Это были вольные бродяги — одиночки, которые не принадлежали к крупным силам Зоны, а выживали сами по себе, промышляя мелким поиском.

Тот, кого называли Хмурым, протянул Марку закопченную железную кружку. Внутри колыхалась мутная темная жидкость, пахнувшая хвоей и какими-то горькими травами. — Пей, первоход. Это «Таежный сбор». Местная настойка с добавлением дикого лимонника. На Большой земле такого

дерьма не купишь. С ног валит, но согревает моментально. И радионуклиды, говорят, немного связывает, хотя яйцеголовые над этим только ржут.

Марк сделал глоток. Жидкость огненным комом обожгла горло, но по телу тут же разлилось приятное, спасительное тепло. Он вытащил из своего рюкзака банку армейской тушенки и полбуханки черствого черного хлеба — скромный паек, собранный в дорогу.

— О, городские деликатесы, — усмехнулся второй сталкер, худой, с глубоко запавшими глазами и тонкими, постоянно подергивающимися пальцами, по прозвищу Филин. — А мы тут все больше на местном подножном корму. Консервы «Сытный пай» от Прохора — там внутри то ли свинина трехглазая, то ли крысы прессованные, хрен разберешь по вкусу. Но под местную водку «Кедровка» заходит за милую душу, зубы пока не выпали.

Марк молча жевал хлеб, внимательно вслушиваясь в каждое слово. Ему нужно было впитывать информацию как губка. Здесь любая мелочь, оброненная у костра, могла стоять жизни.

— Что на северах слышно, мужики? — спросил Горелый, прикуривая дешевую, сильно пахнущую сигарету без фильтра. — Да хреново всё, как обычно, — Хмурый сплюнул в костер, и пламя на секунду зашипело. — «Исток» опять сцепился с «Рвачами» за склады в районе заброшенного химкомбината. «Истоковцы» — они же правильные все из себя,

идейные. Кричат на каждом углу: «Зона — это достояние человечества, СЗО нужно изучать, артефакты вроде **«Сибирского Сглаза»** или **«Углекопа»** должны лежать в лабораториях, а не продаваться за бугор!». А «Рвачи» — чистые псы войны, синдикат. Им бы только урвать хабар подороже, вырезать конкурентов да за Периметр контрабандой загнать. Вот и режут друг друга в зеленке. А страдает наш брат, вольный бродяга. Ни пройти через сектор, ни пострелять спокойно. Еще и **«Нексус»** этот активизировался...

— А это кто? — не удержался и спросил Марк. Голос после долгого молчания и сырого воздуха прозвучал непривычно хрипло.

Сталкеры резко замолчали и переглянулись. Филин криво, нехорошо усмехнулся, а Хмурый посмотрел на Марка с тяжелым, давящим сочувствием. — «Нексус», парень, это те, с кем тебе встречаться вообще не надо. Если увидишь их — сразу стреляйся, целее будешь. Официально они вроде как международная исследовательская группа со своими закрытыми ЧВК. Высокотехнологичные черные костюмы, замкнутые шлемы с зеркальными визорами, оружия такого мир еще не видел. У них базы где-то в глубоких топях и у Мертвого Озера. Но на деле — мясники. Если их патруль тебя заметит — живым не уйдешь. Они свидетелей не оставляют, зачищают в ноль. Им Зона нужна для каких-то своих темных, бесчеловечных экспериментов. Говорят, они сталкеров живьем воруют, чтобы тестировать влияние аномальной био-

массы на мозг.

В подвале школы воцарилась тяжелая, гнетущая тишина. Было слышно только, как снаружи дождь с яростью хлещет по ржавым кускам крыши. Вдруг откуда-то сверху, с пустых этажей заброшенного здания, донесся странный звук.

Это не был рев или рычание. Это был сухой, прерывистый шелест, будто по бетонному полу сквозняк погнал ворох мертвых, высохших осенних листьев.

Филин мгновенно подобрался, лицо его побледнело, а пальцы намертво вцепились в цевье автомата. — Твою мать... **Суховей**, — едва слышно выдохнул он. — Падальщики проклятые. Чуют живое мясо сквозь стены.

Хмурый медленно, без резких движений поднял ствол своего дробовика к потолку. Марк замер, перестав жевать. Шелест повторился — теперь ближе, прямо над их головами, на полуразрушенных перекрытиях первого этажа. Было в этом звуке что-то противоестественное: твари двигались на огромной скорости, но их шаги не имели веса. Зона лишила их гравитации, сделав бесшумными убийцами.

— Сидим тихо, — одними губами скомандовал Горелый, прижимая палец к губам. — Окна первого этажа заколочены. Если они не учуют свежую кровь, уйдут дальше в зеленку. Стрелять нельзя — на звук патрули прилетят.

Марк закрыл глаза, сдерживая дыхание, а перед его внутренним взором снова появилось лицо Алены. Ее бледные, сухие губы, едва заметное, прерывистое дыхание. *«Я вернусь,*

родная, слышишь? Я найду эту чертову Руду», — мысленно повторил он, как клятву. Ради нее он выдержит этот страх, пройдет сквозь идеалистов из «Истока», сквозь наемников из «Рвачей», сквозь черных палачей из «Нексуса» и всю мутировавшую нечисть этой проклятой Сибири.

Шелест наверху постепенно затих, удаляясь в сторону болот. Твари ушли.

— Снесло проклятых, — Хмурый шумно выдохнул и опустил оружие. — К затяжному дождю они всегда вылезают из нор, ищут, где потише.

— Ладно, отбой, сталкерня, — Горелый зевнул и улегся прямо на бетонный пол, подложив под голову свой потрепанный рюкзак. — Завтра тяжелый день. Поведу тебя к Прохору. Наш местный торговец. Он мужик хитрый, содрать готов три шкуры за банку патронов, но если у тебя есть цель — он подскажет, с чего начать. Если, конечно, доживешь до утра.

Марк устроился на своем ящике, поудобнее перехватив карабин. Спать в Зоне было глупо и страшно, но физическое истощение взяло свое. Он засыпал под монотонный стук капель по ржавому железу, чувствуя, как глубоко в его подсознание проникает серый, ледяной туман этой чужой, пугающей земли. Зона ждала его. И она не собиралась быть милосердной.

Глава 2: Подземный деспот и цена надежды

Утро в Зоне не принесло солнца. Оно лишь сменило угольно-черную ночную тьму на жидкую, грязную серость. Дождь, утихший было под утро, зарядил с новой силой. Мелкие, как бисер, капли с монотонным стуком разбивались о дырявый козырек деревенской школы.

Марк проснулся от того, что его грубо потрясли за плечо. Над ним стоял Горелый. Проводник уже натянул свой промокший капюшон, а в зубах у него дымилась неизменная сигарета без фильтра.

— Кончай дрыхнуть, Север, — хмуро бросил он, поправляя лямки рюкзака. — Хмурый с Филином еще затемно ушли на ближние хутора — проверять завалы после выброса. Нам тоже пора. Прохор не любит тех, кто заставляет его ждать. А если он не в духе, цены на патроны вырастают вдвое.

Марк поднялся, чувствуя, как каждая мышца отзывается тупой болью после ночевки на жестком деревянном ящике. Спина затекла. Сырость, казалось, пропитала его насквозь, добравшись до самого скелета. Он проверил затвор «Вепря-12» — тяжелый карабин двенадцатого калибра внушал хоть какую-то уверенность. На Большой земле Марк исполь-

зовал его для редкой охоты, но здесь это ружье, заряженное тяжелой свинцовой картечью, было его главным билетом в один конец.

Они покинули «Гнездо» через черный ход, чтобы не маячить перед блокпостом военных. Путь лежал через старое деревенское кладбище. Покосившиеся железные кресты поросли густым, неестественно ярким неоновым-зеленым мхом. Воздух здесь был неподвижным и липким.

— Под ноги смотри, — не оборачиваясь, бросил Горелый. — По левую руку видишь лужи? Это не дождевая вода. Это «Ведьмин студень». Наступишь — подошва растает вместе с пальцами за три секунды. Иди строго по моим следам.

Марк посмотрел налево. В небольшой низине между могилами скапливалась странная, густая жидкость бледно-изумрудного цвета. Она слегка пузырилась, хотя на нее падали холодные капли дождя. От лужи исходил слабый, приторно-сладкий запах гниющих яблок — коварная ловушка измененной природы СЗО. Марк осторожно перешагнул через поваленное дерево, стараясь не дышать этим ароматом.

Минут через сорок изнурительного марша по раскисшей глине, они вышли к холму, на вершине которого стояла полуразрушенная силосная башня. У ее подножия виднелся массивный бетонный оголовок старого советского бомбоубежища. Тяжелая гермодверь, выкрашенная когда-то в защитный зеленый цвет, сейчас была покрыта слоями ржавчины и грязи. Над ней на ржавой цепочке болтался помятый автомо-

бильный номер с нацарапанной краской надписью: «К ТОР-ГОВЦУ».

Горелый подошел к двери и трижды забарабанил по железу рукояткой своего ножа. Прошло около минуты. Затем внутри что-то тяжело заскрежетало, и в двери приоткрылась узкая смотровая щель. На пришедших уставилась пара подозрительных глаз.

— Свои, Крот. Горелый я. Привел человека, как договаривались, — громко сказал проводник.

Щель захлопнулась. За дверью загремели тяжелые засовы, и гермодверь с натужным гидравлическим выдохом отворилась внутрь. Из проема пахнуло целым букетом запахов: жареным салом, дешевым спиртом, пороховой гарью и сухой, застоявшейся теплотой дизельного генератора.

За дверью стоял плотный парень в армейском бронежилете поверх засаленного свитера, держа наперевес укороченный автомат. Он молча кивнул и жестом пригласил их войти.

Они спустились по бетонной лестнице глубоко под землю. Бункер Прохора представлял собой разветвленную сеть коридоров старого убежища гражданской обороны. Вдоль стен тянулись пучки толстых кабелей, освещаая пространство тусклыми желтыми лампочками. В бывшем зале заседаний теперь располагался настоящий магазин.

За прочной железной решеткой, перегораживающей комнату пополам, стоял длинный деревянный прилавок. За ним, на высоком стуле, восседал сам Прохор. Это был грузный

мужчина лет пятидесяти с абсолютно лысой головой и густыми, седеющими усами. На нем был надет добротный кожаный жилет, из-под которого виднелась чистая — невиданная роскошь для Зоны — фланелевая рубашка в клетку. Его маленькие, пронизательные глаза-щелочки мгновенно оценили Марка, сканируя его от новеньких ботинок до выражения лица.

На стеллажах за спиной Прохора царило изобилие, от которого у любого сталкера потекли бы слюни. Там ровными рядами стояли цинки с патронами различных калибров, висели потрепанные, но тщательно смазанные автоматы Калашникова, немецкие MP5, а в углу красовался новенький тяжелый комбинезон «Заслон-М» с толстыми пластинами композитной брони. На отдельной полке, за толстым стеклом, лежали консервы: немецкие сосиски, банки с тушеным мясом, галеты и даже армейские сухпайки в вакуумных упаковках. Рядом выстроились бутылки местной «Кедровки» с характерной зеленой этикеткой.

— А, Горелый, — голос Прохора оказался неожиданно тонким, но в нем чувствовалась привычка повелевать. — Живой. Рад, рад. А то поговаривали, что тебя суховеи на Кордоне на ремни порезали. Кто с тобой?

— Это Север, — Горелый прислонился к решетке. — Первоход. Парень надежный, не хлюпик. Дорогу выдержал молча. Дальше ты сам с ним води дела, Прохор. Моя доля?

Торговец молча полез под прилавок, достал небольшую

пачку грязных, засаленных купюр Большой земли и бросил их проводнику. В СЗО ходили и обычные деньги, но ценились они куда меньше, чем местный эквивалент — электронные рубли на закрытых сталкерских КПК или, что еще лучше, чистый хабар.

Горелый пересчитал банкноты, спрятал их в карман и повернулся к Марку. — Ну бывай, Север. Мой совет тебе на прощание: не верь никому, кроме своего счетчика Гейгера. И не лезь в аномалии без гаек. Удачи. Она тебе понадобится.

Проводник развернулся и быстро пошел к выходу. Марк остался один на один с хозяином бункера.

Прохор покрутил в руках тяжелую зажигалку Zippo, со щелчком открывая и закрывая крышку. Этот звук в тишине бункера казался неестественно громким. — Ну, рассказывай, Север, — протянул торговец, пристально глядя на Марка. — Зачем пришел? Снаряга у тебя чистая, городская. Карабин охотничий, хороший, но против серьезной твари слабоват. В бега подался? Долги? Или романтики наслушался про легкие миллионы?

Марк сделал шаг к решетке. Он не собирался юлить. В Зоне фальшь чуют сразу. — Мне нужна **«Живая Руда»**, — твердо сказал он.

Прохор замер. Щелчок зажигалки оборвался. Несколько секунд торговец просто молча смотрел на Марка, а затем его лицо расплылось в широкой, безжалостной усмешке, переросшей в глухой хриплый смех.

— «Живая Руда»? — Прохор откинулся на спину, вытирая слезу с угла глаза. — Ну надо же! Парень только перешел Периметр, а уже заглядывается на легенду, которую никто из живых в руках не держал! Ты хоть знаешь, первоход, где ее ищут? Это самый центр Зоны. Территория Кедровска-42. Туда даже отряды «Нексуса» в своих бронекостюмах с замкнутым циклом суются через раз. Там земля горит, а воздух состоит из радиации и чистой аномальной дури. Зачем она тебе? Продать хочешь и купить виллу на лазурном берегу?

— У меня умирает жена, — отрезал Марк. Он вытащил из кармана фотографию Алены и аккуратно положил ее на деревянный прилавок перед решеткой. — У нее клеточный распад. Врачи дают три месяца. Я прочитал, что этот артефакт полностью восстанавливает биологические ткани. Мне плевать на виллы и деньги. Мне нужна только она. Живая.

Смех Прохора мгновенно стих. Он взял фотографию своими толстыми пальцами, посмотрел на улыбающуюся девушку со светлыми волосами, затем снова перевел взгляд на Марка. Глаза торговца сузились, из них ушла насмешка, уступив место холодному, деловому расчету. Такие люди, как Прохор, не знали сострадания, но они отлично знали, как использовать чужое отчаяние. Отчаяние — это самый лучший стимул для выполнения смертельно опасной работы.

— Вот оно что... Любовь, значит, — тихо произнес Прохор, возвращая фотографию обратно. — Тяжелый случай,

Север. Самый тяжелый из всех, что я видел. Человек, которому нечего терять — это отличный инструмент. Но одного твоего желания мало. Чтобы дойти до Кедровска-42, тебе нужен костюм с хорошей защитой от излучения, автоматическое оружие, медицина, детекторы аномалий. А у тебя в карманах, как я вижу, только вошь на аркане.

— Я готов работать, — Марк сжал кулаки. — Говори, что делать.

Прохор улыбнулся кончиками губ. Он залез под прилавок и достал старый, из царапанного черного пластика прибор, похожий на толстый мобильный телефон с выносной антенной.

— Это «Отклик» — самый простой детектор аномальных полей. На артефакты он реагирует слабо, но если будешь подходить к «Искривлению» или «Ведьмину студню», он начнет пищать как резаный. Даю его тебе в долг. Патроны к твоему «Вепрю» — вот, держи две пачки картечи, — он выкатил на прилавок тяжелые картонные коробки. — И банку «Сытного пая» с сухарями, чтоб с голодухи в зеленке не сдох.

Марк молча смотрел на вещи. Он понимал, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. — Какова цена? — спросил он.

— Отработаешь, — Прохор наклонился ближе к решетке, его голос опустился до заговорщицкого шепота. — В двух километрах отсюда на восток есть заброшенный хутор «Красный Октябрь». Вчера наши ребята из вольных бродят

наткнулись там на свежую аномальную зону после выброса. Один дурак полез без проверки и сгорел в «Искривлении». Но перед этим успел крикнуть, что видел там **«Сибирский Сглаз»**. Хороший артефакт, фиолетовый такой, светится. Мне он нужен. Принесешь его мне — я спишу долг за снарягу, дам тебе нормальный сталкерский КПК с картами южных секторов и свежие сведения о путях на север, к базам «Истока». Не принесешь... что ж, тогда твоя Алена умрет, а Крот найдет тебя в зеленке и заберет мой карабин. Усек?

Марк молча забрал с прилавка детектор, коробки с патронами и банку консервов. Прибор он закрепил на разгрузочном жилете, патроны рассовал по карманам.

— Я принесу твой артефакт, Прохор, — тихо, но с леденящей уверенностью сказал Север.

— Вот и ладно. И помни, парень: на хуторе могут теряться «Рвачи». Их передовые патрули часто заходят на Кордон пограбить первоходов. Если увидишь парней в кожаных куртках с серыми нашивками — в переговоры не вступай. Стреляй первым. В Зоне дипломатия работает только тогда, когда у тебя ствол крупнее.

Марк развернулся и пошел к выходу из бункера. Тяжелая гермодверь с грохотом закрылась за его спиной, отрезая относительную безопасность подземного убежища.

Снаружи его снова встретил непрекращающийся, холодный сибирский дождь. Воздух казался серым дымом, а промокшая тайга впереди выглядела как строй черных, безжиз-

ненных столбов. Марк достал детектор «Отклик», включил его. Прибор слабо, ровно застрекотал, показывая фоновый уровень радиации.

Север поправил ремень карабина и сделал первый самостоятельный шаг вглубь Зоны. Он шел на восток, к хутору «Красный Октябрь», навстречу своей первой настоящей опасности.

Глава 3: Охота на «Сглаз»

Карабин «Вепрь-12» казался неестественно тяжелым, хотя Марк привык к физическим нагрузкам за годы работы геодезистом в глухой тайге. Но таежная работа была мирной. Там самой большой опасностью был голодный медведь-шатун или шальная гадюка в болоте. Здесь, за колючей проволокой Сибирской Зоны Отчуждения, опасность не имела лица, формы и расписания.

Марк шел на восток, ориентируясь по полустертым ориентирам на старой топографической карте, которую он успел распечатать еще на Большой земле. Дождь превратился в сплошную водяную взвесь. Она не падала сверху, а словно висела в воздухе, забивая легкие сыростью и вкусом мокрой золы. Деревья стояли голыми, хотя была только середина сентября — аномальная энергетика СЗО выжигала хлорофилл из листвы на километры вокруг Кедровска-42, превращая некогда живую сибирскую тайгу в кладбище черных, обугленных стволов.

Детектор «Отклик» на груди Марка лениво пощелкивал: *раз в три секунды... раз в две секунды...* Это был мирный ритм. Нормальный радиационный фон измененной земли.

Через полтора часа ходьбы по колено в гнилом папоротнике, Север вышел к окраине хутора «Красный Октябрь».

Когда-то это была процветающая заимка лесорубов. Те-

перь — призрак. Десяток деревянных изб с провалившимися крышами выстроились вдоль единственной улицы, которая полностью заросла бурым, похожим на спутанную проволоку кустарником. Посреди улицы стоял проржавевший остов трактора «Беларус», облепленный странными фиолетовыми наростами. Эти наросты едва заметно пульсировали в такт каплям дождя.

Марк остановился у первой избы, укрывшись за полу-сгнившим забором. Он достал из кармана плаща тяжелую брезентовую рукавицу, набитую обычными строительными гайками М12, к каждой из которых была привязана полоска яркой изоленты. Главное правило сталкера, о котором Горелый твердил всю дорогу: *«Не знаешь дороги — кидай болт. Знаешь дорогу — все равно кидай болт»*.

Он вытащил одну гайку и бросил ее вперед, прямо на дорогу перед трактором. Гайка пролетела метра три, упала в грязь и покатилась. Ничего не произошло. Марк сделал несколько шагов вперед. Детектор на груди внезапно застрекотал быстрее, срываясь на глухой треск. *Тр-р-р-р*.

Север замер, подняв левую ногу в сантиметре от земли. Прямо перед ним, между колесами трактора, воздух был чистым, но сквозь него дальние избы казались слегка размытыми, будто Марк смотрел через старое, дешевое оконное стекло с потеками. Он аккуратно бросил вторую гайку прямо в это марево.

Стоило металлу коснуться невидимой границы, как воз-

дух с жутким, свистящим звуком «*Вжух!*» всосал в себя гайку. Пространство согнулось в точку, послышался сухой хруст деформируемого железа, и через долю секунды гайку вышвырнуло обратно. Металл М12 был смят в плоский, искореженный блин, словно по нему ударили стотонным прессом.

— «Искривление», — прошептал Марк, чувствуя, как по спине пробежал липкий пот. На лбу выступили крупные капли. Если бы он сделал этот шаг, его тазовые кости сейчас превратились бы в крошево.

Обогнув опасную точку по широкой дуге через огороды, Марк двинулся к центру хутора. Прохор говорил, что артефакт видели в районе старого коровника на окраине заимки. Коровник выделялся издали — длинное здание из силикатного кирпича, крыша которого полностью рухнула внутрь, образовав хаос из гнилых балок и шифера.

Чем ближе Север подходил к коровнику, тем сильнее менялся звук детектора. «Отклик» больше не трещал — он начал издавать прерывистый, тонкий писк. *Пип... Пип... Пип...* Это означало, что аномальное поле рядом, и внутри него сформировалось что-то плотное. Что-то, изменившее физику этого места.

Марк заглянул внутрь через пролом в стене. Внутри коровника царил полумрак. Дождевая вода стекала по кирпичам, образуя глубокие лужи. И прямо в центре здания, над кучей битого кирпича, левитировал объект.

Он был прекрасен и жуток одновременно. Размером с крупный кулак, артефакт напоминал кусок застывшего, темно-фиолетового сибирского льда. Внутри этого ледяного контура, словно под стеклом, непрерывно билась, пульсировала живая электрическая искра, окрашивая капли стекающей сверху воды в неоновый цвет. Это был **«Сибирский Сглаз»**. Вокруг него воздух едва заметно вибрировал, создавая слабое тепло — Марк видел, как над артефактом поднимается легкий пар.

— Вот ты какой... — выдохнул Север.

Он потянулся к специальному контейнеру на поясе — толстенной свинцовой банке, предназначенной для изоляции аномального излучения хабара. Но сделать шаг он не успел.

Сзади, со стороны улицы, раздался отчетливый, металлический щелчок взводимого затвора. А следом — грубый, прокуренный голос:— Стоять, отмычка. Руки со ствола убрал. Медленно. Пальцы растопырил и за голову. Обернешься — сделаю в тебе лишнюю вентиляцию.

Марк задеревенел. Сердце сделало кульбит и упало куда-то в район желудка. Он совершил классическую ошибку новичка — увлекся хабаром и перестал слушать Зону.

— Вот это удача, Череп, — раздался второй голос, помоложе и наглее. — Лошок нам артефакт на блюбочке нашел. И возиться с гайками не надо. Смотри, какая игрушка светится. Прохор за нее отвалит косарей пять, не меньше.

— Заткнись, Левша, — оборвал первый. Послышались тяжелые шаги по битому кирпичу. — Эй, городской. Сними ремень карабина с плеча. Плавно, без фокусов. Брось пушку на землю.

Марк начал медленно поворачивать голову, краем глаза оценивая ситуацию. Их было двое. На них были грязные кожаные куртки с характерными серыми нашивками на рукавах — перекрещенные кости и зазубренный нож. **«Рвачи»**. Контрабандисты и мародеры. У того, что постарше (Череп), в руках был потрепанный автомат Калашникова, ствол которого смотрел Марку прямо в грудь. Второй, Левша, держал старый обрез двустволки и уже косился на фиолетовое свечение «Сглаза», исходя слюной от жадности.

— Мужики, забирайте артефакт, — постарался как можно спокойнее сказать Марк, хотя внутри все дрожало от ярости. Он вспомнил Алену. Если он погибнет здесь, на этом заброшенном хуторе, она останется одна в палате. Без единого шанса. Эта мысль выжгла остатки страха, сменив его на холодный, расчетливый гнев. — Ствол не трогайте. Это все, что у меня есть.

— Твое тут только дерьмо в сапогах, первоход, — оскандился Левша, делая шаг вперед и протягивая руку к «Вепрю» Марка. — Пушку давай сюда.

И в этот момент Зона решила вмешаться.

Сверху, с остатков стропил коровника, донесся едва уловимый звук. Это был не треск дерева. Это был сухой, преры-

вистый, шуршащий шелест. Будто огромный ворох мертвых листьев упал на бетон.

Череп, как более опытный бандит, мгновенно среагировал. Его глаза округлились от ужаса.— В сторону! — заорал он, напрочь забыв про Марка, и вскинул автомат к потолку.

Из темноты под крышей, абсолютно беззвучно, не подчиняясь законам гравитации, вниз метнулась серая, вытянутая тень. Это был **Суховей**. Мутант выглядел кошмарно: крупное, поджарое тело бывшей таежной рыси, но полностью лишенное шерсти. Кожа цвета старого пергамента плотно обтягивала сухие, как узловатые ветви, мышцы. Вместо глаз у твари были сплошные, затянутые мертвой белесой кожей впадины, но огромная пасть, усаженная желтыми игольчатыми зубами, была раскрыта в беззвучном оскале.

Тварь прыгнула на Левшу. Из-за измененного веса мутант летел медленно, словно в замедленной съемке, но траектория была идеальной.

Бах! — Левша успел нажать на спуск обреза, но заряд дробин прошел выше, лишь выбив крошку из кирпичной стены. В следующую секунду Суховей врезался ему в грудь. Раздался жуткий, хлюпающий звук, а затем пронзительный, полный нечеловеческой боли крик молодого бандита. Острые когти мутанта мгновенно распорили плотную кожу куртки вместе с плотью.

Череп открыл огонь из автомата. Короткие, яростные вспышки озарили полумрак коровника. *Та-та-та-та!* Пули

дырявили стену, несколько из них попали в Суховея, выбивая из его сухого тела фонтанчики густой, почти черной крови. Мутант издал яростный, шуршащий шип и, оставив бьющегося в конвульсиях Левшу, перемахнул через груды кирпича, целясь в Черепа.

Марк не стал ждать своей очереди. Мозг сработал на чистых рефлексах инженера, просчитывающего углы и риски.

Он упал на правый бок, вскидывая тяжелый «Вепрь-12». Карабин двенадцатого калибра в замкнутом пространстве коровника грохнул так, что у Марка мгновенно заложило уши, а изо рта вырвалось облако порохового дыма.

БАМ!

Тяжелый заряд свинцовой картечи «Магnum» с трех метров угодил Суховею прямо в бок, когда тот находился в воздухе. Заряд обладал колоссальной останавливающей силой. Мутанта буквально сломало пополам, отшвырнув в сторону, прямо на кирпичную кладку. Тварь задергалась, скребя когтями по бетону, издавая сухой, затухающий шелест.

Череп, тяжело дыша, стоял у стены, его автомат дрожал в руках. Он посмотрел на хрипящего на полу Левшу, затем на убитого мутанта, и, наконец, перевел дикий, налитый кровью взгляд на Марка. В его глазах не было благодарности. Там был звериный инстинкт выживания. Он начал медленно разворачивать ствол Калашникова в сторону Севера.

Марк не дал ему этого сделать. Он уже поймал Черепа на мушку своего карабина.

— Не надо, мужик, — хрипло, но твердо сказал Марк, держа палец на спусковом крючке. В его «Вепре» оставалось еще семь патронов в магазине. — Твой кент отбежался. Если дернешься — ляжешь рядом. Брось автомат и уходи. Мне нужен только артефакт.

Череп посмотрел на широкий ствол двенадцатого калибра, направленный ему прямо в лицо. Свинцовая картечь на таком расстоянии не оставляла шансов даже человеку в хорошем бронежилете. Бандит сглотнул, медленно опустил автомат, а затем, не говоря ни слова, развернулся и бросился наутек через пролом в стене, исчезая в серой пелене дождя.

В коровнике воцарилась тишина, прерываемая лишь тихим писком детектора и хриплым, угасающим дыханием Левши. Через минуту парень затих.

Марк тяжело поднялся, чувствуя, как дрожат колени. Его первый бой в Зоне. Он убил порождение этой земли и едва не погиб от рук людей. Он подошел к куче кирпичей, где продолжал левитировать «Сибирский Сглаз».

Достав пинцет и открыв контейнер, Марк аккуратно, стараясь не касаться фиолетового льда голыми руками, захватил артефакт. Воздух вокруг контейнера на секунду затрепал, по пальцам побежали легкие, покалывающие искорки статического электричества. С глухим щелчком Марк закрыл свинцовую крышку. Писк детектора тут же прекратился, сменившись привычным, редким пощелкиванием.

Север спрятал контейнер в рюкзак, подобрал обрез Левши

и оставшиеся у бандита патроны — в Зоне ничего нельзя оставлять, это валюта.

Выйдя из коровника, Марк посмотрел на серое, тяжелое небо СЗО. Дождь продолжал лить, смывая следы крови с разбитого асфальта хутора. Первый шаг был сделан. Долг Прохору будет выплачен. Теперь у него будет КПК и карты, а значит — дорога на север, к загадочной группировке «Исток», становилась ближе. Дорога к спасению Алены.

Марк развернулся и быстрым шагом направился обратно к бункеру торговца, оставляя позади мертвый «Красный Октябрь».

Глава 4: КПК, долги и человек в белом

Обратный путь до бункера Прохора показался Марку бесконечным. Тяжелый свинцовый контейнер в рюкзаке ощущимо оттягивал плечи, но еще тяжелее был груз в голове. Перед глазами все еще стояла жуткая, пергаментная кожа Суховея и дикий, полный животного ужаса взгляд Черепа. Зона за несколько часов содрала с Марка остатки цивилизованного лоска. Здесь не было места долгим размышлениям — либо ты стреляешь и думаешь, либо тебя шуршащим вихрем уносит в темноту очередная тварь.

Когда Север подошел к силосной башне, дождь превратился в настоящую стену воды. Потоки смывали грязь с его брезентового плаща, но ледяная сырость уже пробралась под разгрузочный жилет.

Марк трижды постучал ножом по ржавой гермодвери. Спустя минуту засов заскрежетал, и Крот впустил его внутрь. На этот раз охранник посмотрел на Марка иначе — он заметил засунутый за пояс бродяги трофейный обрез Левши и свежие бурые пятна на рукаве плаща. — Живой, надо же, — буркнул Крот, закрывая засовы. — Прохор у себя. Проходи.

В подземном бункере по-прежнему пахло дизелем и жа-

ренным салом. Прохор сидел на своем высоком стуле за решеткой, лениво перелистывая какой-то потрепанный бумажный журнал. Увидев вошедшего Марка, он отложил чтиво и положил локти на прилавок.— Ну что, Север? Пришел вернуть должок или Крот зря тратил на тебя патроны? — прищурился торговец.

Марк молча подошел к решетке, скинул рюкзак и достал тяжелую свинцовую банку. С глухим стуком контейнер опустился на деревянный прилавок. Марк повернул крышку на четверть оборота — из щели тут же вырвался тонкий фиолетовый лучик и по ушам ударило знакомое статическое потрескивание.— Твой «Сибирский Сглаз». На хуторе за него пришлось повоевать.

Глаза Прохора загорелись неподдельным азартом. Он быстро закрутил крышку обратно, пряча артефакт, и одобритительно крикнул.— Ай да первоход! Ай да инженер! Сказал — сделал. А Череп-то, Череп... Полчаса назад прибежал сюда, глаза по полтиннику, заикается. Кричал, что Левшу Суховой порвал, а какой-то сумасшедший городской завалил тварь из пушки и едва его самого на ноль не умножил. Значит, этот сумасшедший — ты? Уважаю. Честно, не думал, что вернешься.

Торговец убрал контейнер под прилавок и выставил на стол новенький, в прочном прорезиненном корпусе прибор. Это был армейский КПК — главный инструмент любого сталкера в СЗО.— Уговор есть уговор. Твой долг закрыт.

Вот твой карманный компьютер. Я залил туда свежую карту южных секторов, Кордона и выходов к химкомбинату. Там же — доступ к общему каналу бродяг. Будешь видеть некрологи, торговлю и слухи. И вот еще, как обещал — информация.

Прохор навалился на прилавок, посерьезнев.— Ты искал «Живую Руду» и пути на север. Так вот, парень. Ломиться через Рыжий лес напрямую — чиста вода самоубийство. Там сейчас «Рвачи» окопались, у них там блокпосты, они всех вольных раздевают до трусов, а строптивых пускают на корм мутантам. Тебе нужно выйти на «**Исток**». Их передовая научная группа сейчас сидит на старой агростанции «Заря», это как раз за болотами, северо-западнее Кордона. У них есть проводники, которые знают безопасные тропы к Кедровску-42. Но «Исток» — ребята замкнутые. Чужаков не любят. Чтобы они с тобой заговорили, тебе нужен весомый повод.

В этот момент из глубины коридоров бункера, где находились жилые комнаты и импровизированный лазарет, донесся тяжелый, надрывный кашель, перешедший в глухой стон.

Марк повернул голову на звук.— Кто это там? — спросил он.

Прохор досадливо поморщился и махнул рукой.— Да так... Обуза моя. Два дня назад мои парни подобрали у болот раненого. Патруль «**Нексуса**» их группу в зеленке прижал. Всех в расход пустили, а этот чудом уполз, с тремя пулями в

пузе. Оказался не просто сталкер, а целый младший научный сотрудник из этого самого «Истока». Зовут Денисом, позывной «Док». Я его подлатал немного, пули вытащил, антибиотиками закинул. Но толку-то? Сдать его «Рвачам» — они за него ломаного гроша не дадут, только проблемы с «Истком» наживу. А везти его на агростанцию у меня людей нет. Вот и сидит, жрет мою тушенку и доживает последние дни. Припасы только переводит.

В голове Марка мгновенно щелкнули шестеренки. Инженерное мышление снова выдало единственно верный, хоть и безумно опасный алгоритм.— Я дотащу его, — твердо сказал Север. — Я иду на север, к «Истоку». Живой сотрудник — это мой пропуск к их руководству.

Прохор удивленно поднял брови, а затем его усы снова расплылись в хитрой улыбке.— Ну ты и ушлый, парень. Сразу быка за рога. Что ж, забирай. Мне же лучше — снимешь с меня этот висяк. Но учти: он слаб, идти сам почти не может. Потщишь на себе — станешь отличной мишенью для любого Суховея. А если на патруль «Нексуса» нарветесь — пиши пропало. Ладно, иди в третью комнату по коридору, забирай своего попутчика, пока он окончательно не загнулся.

Марк забрал со стола КПК, закрепил его на предплечье над тактическим ремнем и пошел по тускло освещенному коридору бункера.

В третьей комнате, на ржавой железной койке под серым армейским одеялом, лежал человек. На вид ему бы-

ло не больше двадцати пяти лет. Лицо бледное, осунувшееся, покрытое каплями испарины. На нем был надет необычный комбинезон — плотная ткань защитного цвета с белыми вставками и шевроном на плече: стилизованное дерево, обвивающее двойную спираль ДНК. Эмблема «Истока». Весь его бок был замотан грязными бинтами, сквозь которые проступала свежая кровь.

Услышав шаги, парень с трудом открыл глаза. В них горел лихорадочный блеск, но взгляд был осознанным и цепким. Он судорожно дернулся, пытаясь нащупать оружие, но кобура на его поясе была пуста — Прохор своего не упускал. — Тише, Док. Свои, — тихо сказал Марк, присаживаясь на край деревянного табурета рядом с койкой. — Меня зовут Север. Я от Прохора.

— Ты... из вольных? — голос Дениса был слабым, хриплым. Каждое слово давалось ему с трудом. — Что... что торговцу от меня нужно? У меня нет артефактов... Все осталось там, на болотах...

— Прохору от тебя ничего не нужно. Ему нужно, чтобы ты освободил койку, — Марк достал флягу с остатками «Таежного сбора», которую ему дал Хмурый, и приподнял голову раненого, давая сделать глоток. — Я иду на север. К вашей базе на агростанции «Заря». И я заберу тебя с собой. Ты поможешь мне пройти посты «Истока», а я помогу тебе выжить и добраться до твоих. Идет?

Денис жадно сглотнул горькую жидкость, на щеках по-

явился слабый румянец. Он внимательно посмотрел на Марка, оценивая его чистую снарягу и тяжелый карабин.— «Заря»... Да, мне нужно туда. Наш отряд... мы нашли данные. Черные... парни из «Нексуса». Они строят что-то на Мертвом Озере. Квантовый излучатель... Они хотят искусственно вызвать Сверх-выброс, чтобы расширить границы Зоны на сотни километров. Мой профессор... он должен узнать. Если ты поможешь мне дойти, Север... Исток в долгу не останется. У нас есть технологии, медицина...

— Мне не нужны технологии, — перебил его Марк. Он вытащил фотографию Алены и на секунду показал её Доку. — Мне нужна «Живая Руда». Я знаю, что ваша группировка изучает центр Зоны. Твой профессор поможет мне найти её?

Денис посмотрел на фото, затем перевел взгляд на суровое лицо Марка. В глазах раненого сотрудника «Истока» промелькнуло понимание. Здесь, в Зоне, у каждого была своя трагедия, но такая отчаянная решимость встречалась редко.— Научный отдел знает координаты стабильных аномальных зон в Кедровске-42, где зарождается Руда, — тихо ответил Денис. — Я сделаю так, чтобы профессор Сахаров выслушал тебя. Но сначала... нам нужно выбраться отсюда. Прохор прав, «Нексус» прочесывает южные топи. Они ищут меня. Они не успокоятся, пока не заберут инфо-чип, который я спрятал в подкладке комбинезона.

Марк поднялся и проверил затвор «Вепря». Времени было в обрез. Оставлять раненого здесь означало обречь его

на смерть, а себя — на потерю единственной зацепки.— Сможешь идти, если я буду тебя поддерживать? — спросил Марк.

— Попробую... — Денис сцепил зубы и со стоном опустил ноги на холодный бетонный пол. Его шатало, но он держался за стену.

Марк закинул левую руку Дока себе на плечи, перенося большую часть веса парня на себя. В правой руке Север держал карабин, готовый к любому повороту.

Они медленно вышли в главный зал бункера. Прохор даже не поднял головы от своего журнала, лишь лениво махнул рукой на прощание. Крот открыл тяжелую гермодверь, и в лицо путникам снова ударил резкий, пахнущий озоном и гнилой хвоей сибирский ветер.

Снаружи Зона встретила их глухими, давящими сумерками. Дождь яростно хлестал по черным стволам деревьев. Марк включил КПК на предплечье — экран слабо загорелся зеленоватым светом, показывая мерцающую точку их местоположения и тонкую линию маршрута, ведущую на северо-запад, к болотам. Детектор «Отклик» на разгрузке привычно и зловеще защелкал.

— Держись, Док, — прошептал Марк, делая шаг в темноту сырого леса. — Нам предстоит долгая ночь.

Где-то далеко впереди, за пеленой непрекращающегося дождя, небо над горизонтом вдруг коротко полыхнуло странным, мертвенно-белым светом. Это не была обычная гроза.

Это было дыхание Зоны, которая словно предупреждала чужаков: каждый следующий шаг может стать последним.

Глава 5: Шепот Сибирских топей

Каждый шаг давался Марку с трудом, словно сама земля СЗО превратилась в живую густую смолу, пытающуюся утянуть его на дно. На его правом плече висел Денис. Раненый ученый тяжело, со свистом дышал сквозь зубы, его комбинезон «Истока» окончательно промок и потемнел от смеси дождевой воды и сочившейся из-под грязных бинтов крови.

Они углубились в Сибирские топи — колоссальное по площади, гиблое пространство, раскинувшееся к северо-западу от Кордона. Здесь тайга окончательно капитулировала перед аномальной гидросферой. Вековые ели стояли мертвыми, голыми скелетами, их ветви были густо облеплены седой, похожей на паутину тиной. Земля под ногами ходила ходуном. Кочки, поросшие чахлым бурым мхом, то тонули в черной жиже, то снова всплывали, подчиняясь какому-то внутреннему, невидимому ритму болот.

Дождь не прекращался ни на секунду. Он забивал глаза, стекал струями по респиратору «Бриз-М» и заглушал все звуки, кроме монотонного, сводящего с ума стрекота детектора. КПК на предплечье Марка тускло мерцал зеленым интерфейсом, прокладывая зыбкий маршрут сквозь эту серую преисподнюю.

— Держись, Док, — хрипло процедил Марк, перехватывая карабин поудобнее. — Не вздумай отключаться. Расска-

жи мне про свою контору. Отвлекись. Что это за «Живая Руда», за которой я иду? Прохор считает меня сумасшедшим.

Денис судорожно сглотнул, прижимая ладонь к раненому боку. Из-под его пальцев снова запузырилась кровь.— Прохор... он торговец, Север. Он видит в вещах только цену в рублях, — голос Дока срывался на шепот, прерываясь кашлем. — Для «Истока»... «Живая Руда» — это не просто ценный минерал. Это... квантовый био-регенератор. Понимаешь? В эпицентре Кедровска-42, где пространственный барьер разорван в клочья, материя начинает вести себя иначе. Артефакт формируется в полях сверхвысокого напряжения, захватывая тяжелые изотопы и... и какую-то чужеродную белковую структуру. Он генерирует направленное поле, которое буквально принуждает клетки живого организма возвращаться к своей исходной, здоровой матрице. Он... он стирает любые повреждения ДНК. Опухоли, лучевую болезнь, некрозы... даже этот твой клеточный распад. Но добыть его... Боже...

Док замолчал, содрогаясь от приступа боли. Марк крепче сжал его плечо. Внутри него снова вспыхнул огонек надежды. Значит, слухи не вдали. «Живая Руда» действительно может переписать смертный приговор Алены. Она сотрет эту заразу из ее тела, вернет румянец на ее бледные щеки. Ради этого стоило дышать этим радиоактивным сибирским туманом.

Вдруг детектор «Отклик» на груди Марка сорвался с ле-

нивого пощелкивания на дикий, сплошной свист. *Пи-и-и-и-и!*

— Стой! — Денис резко дернулся назад, едва не увлекая Марка за собой в трясину. — Назад! Шаг назад, Север!

Марк замер, балансируя на скользкой кочке. Прямо перед ними, в полутора метрах, черное зеркало болотной жижи внезапно начало вести себя неестественно. Вода не растекалась, она... собиралась в аккуратные, идеально ровные кубические формы. Воздух над этим местом вибрировал с тяжелым ультразвуковым гулом, от которого у Марка мгновенно заломило зубы, а из носа потекла тонкая струйка крови.

— Что это? — Марк быстро вытащил из рукавицы болт с красной изолентой и швырнул его прямо в гущу кубических потеков воды.

Стоило гайке коснуться аномальной зоны, как раздался оглушительный гидравлический удар. Воздух спрессовался, и болотная жижа вместе с болтом и кусками мха была с колоссальной силой выстрелена вертикально вверх, образовав идеальный столб грязи высотой с трехэтажный дом. А затем все стихло, оставив лишь глубокую, идеально круглую воронку в воде, которая медленно заполнялась жижей.

— «Гидро-пресс», — тяжело дыша, прошептал Денис, вытирая лицо от брызг. — Свежая ловушка. Давление в эпицентре — триста атмосфер. Нас бы просто превратили в фарш и размазали по кочкам. Обходи слева, там старая гать должна быть...

Они начали осторожно огибать невидимый пресс, ступая по полусгнившим, скользким бревнам, скрытым под слоем черной воды.

Но Зона не отпускала их так легко.

Справа, из густых зарослей камыша, донесся уже знакомый Марку звук. Но если на хуторе это был одиночный шуршащий шелест, то здесь, на болотах, этот звук нарастал со всех сторон. Это был сплошной, шуршащий гул, словно тысячи сухих листьев одновременно покатались по бетону.

— Суховеи... — одними губами выдохнул Денис, и его лицо приобрело мертвенно-серый оттенок. — Болотная стая. Они идут по нашему следу. Они чуют мою кровь, Север!

Из тумана, бесшумно перескакивая с кочки на кочку благодаря своей измененной, почти невесомой гравитации, начали появляться серые тени. Марк насчитал минимум троих. Мутанты двигались полукругом, отрезая путь к отступлению. Их пергаментная, натянутая на узловатые скелеты кожа лоснилась от болотной влаги, а пустые, затянутые белесой плотью глазницы были направлены прямо на нарушителей их покоя. Они раскрывали огромные пасти, усаженные иглами зубов, но вместо рыка издавали лишь сухой, сводящий с ума шелест.

— Назад некуда, Док. Держись за дерево! — крикнул Марк, сбрасывая раненого парня на относительно прочную кочку возле сухого ствола ели.

Север вскинул «Вепрь-12» к плечу. Первое чудовище

пошло на сближение, совершив колоссальный, затяжной прыжок. Тварь буквально летела над черной водой, выставив вперед длинные, похожие на сучья лапы с загнутыми когтями.

БАМ!

Тяжелый выстрел двенадцатого калибра разорвал болотную тишину. Заряд картечи «Магнум» встретил Суховея прямо в воздухе. Мутанта перевернуло, его сухое тело с хлопком рухнуло в трясину, окрашивая воду черной, густой жижей. Но две другие твари не испугались. Напротив, грохот выстрела лишь подстегнул их ярость.

Второй мутант зашел слева, двигаясь зигзагами, смазываясь в серой пелене дождя. Марк выстрелил навстречу — *БАМ!* — но промахнулся, картечь лишь срезала камыш. В следующую секунду Суховой оказался в метре от него. Длинная костлявая лапа полоснула Марка по руке. Плотный брезент плаща выдержал, но сила удара была такой, что Север потерял равновесие и по колено провалился в ледяную жижу болота.

Тварь уже нависла сверху, раскрывая пасть, пахнущую тухлятиной и озоном. Марк, теряя опору под ногами, ткнул стволом карабина мутанту прямо в разинутый зев и нажал на спуск.

БАМ!

Голову Суховея буквально разнесло на куски, обдав лицо Марка липкой, пахнущей железом дрянью. Третий мутант,

видя гибель сородичей, резко затормозил на дальней кочке, издал яростный шуршащий шип и растворился в камышах. Они были трусливы, когда теряли преимущество.

Марк тяжело дышал, пытаясь вытащить увязшую ногу из болотного плена.— Док... ты как? — хрипло выкрикнул он, оборачиваясь.

Но Денис не ответил. Он сидел, привалившись спиной к дереву, и дикими, полными ужаса глазами смотрел не на Марка, и не на убитых мутантов. Он смотрел куда-то вверх, за спину Севера.

Марк медленно обернулся, вытирая черную кровь с тактических очков.

Из серого тумана болот, бесшумно раздвигая заросли тростника, выходила фигура. А за ней — еще три.

Это были не вольные бродяги и не оборванцы из «Рвачей». Это были палачи Зоны. Бойцы группировки **«Нексус»**.

На них были надеты глухие, антрацитово-черные комбинезоны из тяжелого композитного материала, который казался абсолютно сухим, несмотря на проливной дождь — вода просто скатывалась с него. Их головы полностью скрывали массивные шлемы с зеркальными визорами, в которых отражалось серое свинцовое небо и бледное лицо Марка. На плечах красовались эмблемы — стилизованный белый круг, разорванный тремя молниями. В руках они держали футуристические, угловатые автоматы неизвестной Марку конструкции, выполненные из матового темного пластика, со

встроенными лазерными целеуказателями. На груди каждого бойца ровно, зловеще горел синий индикатор системы замкнутого дыхания.

Один из бойцов — судя по красной полосе на шлеме, командир отряда — сделал шаг вперед. Его оружие было направлено четко в переносицу Марка. Из встроенного в шлем динамика раздался ровный, лишенный каких-либо человеческих эмоций электронный голос, искаженный вокодером:

— Объект «Сотрудник-Денис» обнаружен. Сторонний биологический элемент идентифицирован как гражданский нарушитель Периметра. Степень угрозы — минимальная. Приказ руководства: ликвидировать свидетелей. Инфо-чип изъять.

Марк замер, чувствуя, как карабин в его руке кажется теперь детской игрушкой против этих ходячих танков. Лазерный луч от чужого автомата замер ровной красной точкой прямо между его глаз. В кармане плаща по-прежнему грела грудь фотография Алены. Неужели это всё? Здесь, в вонючей грязи Сибирских топей, его путь оборвется?

Командир «Нексуса» начал плавно нажимать на спусковой крючок своего оружия.

Глава 6: Скрежет металла и крик земли

Красная точка лазерного прицела между глаз Марка казалась раскаленным клеймом. Воздух между ним и командиром «Нексуса» словно застыл, превратившись в монолитное стекло. Север отчетливо слышал, как внутри его собственного респиратора со свистом бьется его же дыхание. В этот короткий миг, отделявший его от смерти, он вспомнил не страх, а запах волос Алены — легкий аромат полевых ромашек, который теперь казался бесконечно далеким от этой сибирской грязи.

Палец черного штурмовика дрогнул, дожимая спуск угловатого автомата.

И в эту долю секунды Зона сошла со своего ума.

Сначала пропал звук дождя. Водяная взвесь, только что хлеставшая по лицу, резко замерла в воздухе, а затем миллиарды капель одновременно полетели обратно вверх, к тучам, подчиняясь внезапно перевернувшейся гравитации. Свинцовое небо над болотами в секунду окрасилось в жуткий, кроваво-багровый цвет. Земля под ногами Марка глухо, утробно зарычала, словно глубоко под сибирскими топями просыпался древний тектонический титан.

— Внимание, — ровный электронный голос командира

«Нексуса» впервые дал осечку, в динамике проскочили помехи. — Фиксируется резкий всплеск квантового фона. Вероятность локального Сверх-выброса — девяносто восемь процентов. Срочная эвакуация...

Договорить он не успел.

Из глубины мертвого леса, с вершины полузатопленного холма, раздался сухой, хлесткий дуллет.

Кха-кха!

Тяжелые пули калибра 7,62, выпущенные из снайперских винтовок, с визгом врезались в композитный шлем командира «Нексуса». Зеркальный визор разлетелся в пыль, брызнув антрацитовыми осколками. Черный штурмовик качнулся, из пробитого шлема рванула струя темной крови, и его тяжелое тело с глухим всплеском завалилось спиной в болотную жижу.

— Работаем! Не давать им поднять головы! — из камышей на фланге раздался яростный человеческий крик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.